

Агитационно-пропагандистская работа в боевой обстановке в межвоенный период

В. В. Жарков

Рассмотрены направления агитационно-пропагандистской работы в боевой обстановке. Проанализирована роль партийно-политического аппарата в проведении необходимых мероприятий. Выявлены основные методы и средства агитационно-пропагандистской работы в локальных войнах и военных конфликтах.

Ключевые слова: агитация, пропаганда, контрпропаганда, агитснаряд, звуковещательные станции, разложение войск, листовки, работа среди военнопленных, идеология.

Agitation and Propaganda Work in Field Conditions During the Intermilitary Period

V. V. Zharkov

Directions of agitation and propaganda work in field conditions are considered. The role of party-political apparatus in carrying out the necessary actions is analysed. The basic methods and means of agitation and propaganda work in local wars and military conflicts are revealed.

Key words: agitation, propaganda, counter-propaganda, agitation shell, sound-transfer stations, decomposition of armies, leaflets, work among captives, ideology.

Одной из составляющих агитационно-пропагандистской работы в боевой обстановке в межвоенный период являлась организация и проведение работы среди населения противника. В проекте директивы № 0205 от 29 июля 1939 г. начальник Политуправления РККА Л. З. Мехлис отмечал: «Идеологическая война с противником является составной частью работы политорганов Красной Армии и должна будет сыграть огромную роль в деле разложения войск и тыла противника» [1]. Однако по непонятным причинам данное положение не нашло отражения в самой директиве, которая была направлена в войска.

Первый опыт работы с населением был получен в 1929 г. в ходе боев на КВЖД. Войскам предлагался следующий лозунг: «ОДВА воюет не с народом Китая, а с генералами-империалистами!». В связи с этим одна из рубрик газеты ОДВА «Тревога» выразительно называлась «Под козырек трудовому китайцу!» [2].

Накануне Маньчжуро-Чжэньхайской операции политотдел 18-го стрелкового корпуса разослал командирам подчиненных частей директиву о политическом обеспечении боевых действий, в которой разъяснялось следующее: «Успех этой операции будет иметь совершенно исключительное политическое значение, выражающееся в деморализации китайских войск ... в переломе настроения беднейшей части китайского населения в нашу пользу» [3]. Далее в директиве предписывались необходимые действия на китайской территории (разгром вооруженных формирований, разрушение военных укреплений и объектов, тюрем, освобождение арестованных). Кате-

горически запрещалось разрушение культурных учреждений, храмов, посещение торговых учреждений, присвоение вещей и пр. Один из лозунгов, рекомендованных для использования в агитационно-пропагандистской работе, гласил: «Никаких насилий, грубости, самоуправств. Красная Армия – друг трудящихся Китая!».

«Дружба» с трудящимися оккупированных областей, «преломление их настроения» в пользу СССР заключались в раздаче продуктов, дров, распространении листовок и пр. На станции Маньчжурия по распоряжению В. К. Блюхера 500 рабочим угольных копей выдали заработную плату из захваченных средств маньчжурских банков; рабочих обеспечили продовольствием и керосином.

В Хайларе командование вступивших в город войск Красной армии обратилось к населению с воззванием, в котором оповестило о том, что «в городе устанавливается нормальная обстановка. Все местные органы власти и гражданского самоуправления, существовавшие до прихода Красной Армии, сохраняются. Частная собственность граждан остается неприкосновенной и поступает под охрану советских войск» [4]. 27 ноября 1929 г. жителям этого города было роздано 30 т муки, 300 кубометров дров, 500 т угля. Военные врачи вели прием граждан. Силами ветеринарной службы частей Красной армии крупному рогатому скоту местного населения было сделано более двух тыс. прививок (вакцину для этой акции брали в частях и даже доставляли из Читы) [5]. В Чжэньхайноре и Ляохасу красноар-

мейцы раздавали гражданскому населению муку и топливо.

Партийно-политический аппарат Красной армии стремился к оказанию политического воздействия на местное население. Распространялись листовки и газеты на китайском языке, в которых публиковались официальные документы правительства СССР, наркомата иностранных дел, сообщения РВС ОДВА, письма и заявления китайских солдат. Кроме того, проводились митинги, собрания, беседы, демонстрировались кинофильмы («Броненосец “Потемкин”» и др.), устраивались вечера “интернациональной смывки” с китайскими рабочими (нередко заканчивавшиеся товарищеским ужином), концерты красноармейской художественной самодеятельности и даже детские утренники. В целях массовой политической работы с местным населением активно использовались кинотеатры в Маньчжурии («Аполлон») и Хайларе.

В сентябре 1939 г. в ходе ввода войск в Западные Украину и Белоруссию также большое внимание было уделено воздействию на местное население. В приложении 12 представлена директива военного совета и политуправления Украинского фронта (дублировавшая директиву ПУР-ККА и дублированная в армиях), в которой расписывался порядок вступления наших соединений и частей в бывшие польские населенные пункты (исполнение гимна, концерты, митинги, киносеансы и пр.).

Во время войны с Финляндией одним из стратегических направлений нашего наступления было движение на Суомуссалми. Военная причина тому понятна: это самое узкое место Финляндии, а 163-й стрелковой дивизии ставилась задача перерезать страну пополам. По данным работника МИД России С. Беляева, «местные (коммунальные) финские историки указывают на еще одну причину. Этот район известен бедностью населения и симпатиями к левым ... За 2–3 недели ... советские войска ... успели создать комитеты и провести собрания – создавались ячейки пока не советской ... но “народной” власти» [6].

Таким образом, суть работы с населением на занятой территории составляла его направленная советизация. Такая работа фактически не проводилась ни на Хасане, ни на Халхин-Голе.

В работе с войсками противника к концу 30-х гг. в Красной армии был накоплен определенный опыт в этой области.

Но наряду с этим был выявлен ряд недостатков, свойственных всем локальным войнам и во-

енным конфликтам межвоенного периода, связанных с нехваткой или отсутствием:

- специальных отделов контрпропаганды (организующих и проводивших требуемые мероприятия);

- подготовленных кадров контрпропагандистских работников (знающих свое дело, психологию и язык противника);

- необходимых материалов (ориентация, инструкции, тексты бесед, фактический материал, политико-моральное состояние в армиях противника, применяющиеся в них методы идеологического воздействия, картотек частей противника, данных зарубежной прессы и литературы);

- системы сбора и анализа показаний пленных и перебежчиков и пр. [7].

После советско-финляндской войны данному вопросу было уделено особое внимание, и ряд недостатков был устранен.

Прежде всего, следует отметить, что готовились, а затем различными способами распространялись разнообразные печатные материалы – листовки, брошюры и пр. Еще 11 декабря 1929 г. с советских самолетов разбрасывались прокламации над станцией Бухэду [8].

Основным способом доставки в стан противника печатной контрпропагандистской продукции являлась агитракета (следовало только увеличить дальность ее применения до 1 км). Агитснаряд (изготавливался из толстого картона со специальным устройством для выбрасывания листовок) в силу неудобства и сложности применения не привился. Техника сбрасывания листовок с самолета была крайне примитивной, а поэтому неэффективной. Предлагалось разработать для авиации особый тип ракеты в сочетании с парашютом.

В директиве Л. З. Мехлис ставил задачу по обучению запуску шаров-пилотов двух политработников в каждом соединении, причем на обучение каждого расходовалось до 10 шаров-пилотов [9].

Содержание контрпропагандистских материалов отличалось идеологической выдержанностью, но, по дипломатичному замечанию советника, не отвечало задаче воздействия на политико-моральное состояние противника.

В боях на Хасане японские позиции активно забрасывались листовками... на русском языке. Действенность этой работы была нулевой, что дало основания И. В. Сталину на заседании военного совета при наркомате обороны 26 ноября 1938 г. заключить следующее: «Типографии со

шрифтом японского, корейского и китайского языков у Вас не было. А нужно было иметь писателя, умеющего писать на народном языке Японии и нужно было иметь шрифты» [10].

По-настоящему широко работа по разложению войск противника развернулась во время боев на Халхин-Голе, где было распространено 5368 млн экз. печатной продукции на языке противника. Листовки разбрасывались преимущественно с самолетов (для этой цели специально были выделены три СБ; выброс попутно осуществлялся и при бомбардировках с ТБ-3). Летчики получали специальную карту с указанием оперативной обстановки и районов разбрасывания. Опыт показал, что делать это вручную (в россыпь или пачкой) малоэффективно и неудобно, лучше применять агитбомбы.

До 10 июля 1939 г. специального политаппарата, предназначенного для работы среди войск и населения противника, не было. Листовки изготавливались в Улан-Баторе случайными людьми беспланоно и неконкретно. Тексты передавались в Москву на утверждение, возвращались в столицу Монголии, переводились и печатались. Естественно, что к моменту распространения они теряли актуальность. Начальник ПУРККА Л. З. Мехлис дал следующие указания: «1. Листовки должны быть короткими, конкретными, основанными на фактах с указанием фамилий и помещением фотографий. 2. ... политической обработкой добиться, чтобы пленные сами писали обращения к своим бывшим боевым товарищам» [11].

10 июля для решения этих задач была создана спецгруппа политработников, но в ее распоряжении не имелось даже пишущей машинки, поэтому 22 июля была образована редакция газеты на японском языке. Печатная база из Забайкальского военного округа прибыла лишь 16–17 августа. Тогда же в Тамцак-Булаке окончательно оформилось отделение по работе среди войск противника, имевшее две редакции (японскую и китайскую) и необходимое оборудование. Л. З. Мехлис в качестве образца лично написал несколько листовок.

Осознавая важность и необходимость ведения идеологической работы среди войск и населения противника, 10 июля 1939 г. нарком обороны издал соответствующий приказ за № 0033 «О создании в мирное время редакций и типографий газет на иностранных языках». В данном приказе нарком утвердил постоянный штат редакций и типографий на японском, китайском, немецком, польском и финском языках на мирное время в

составе 4 человек. Постоянные штаты на корейском, монгольском, эстонском, латышском, румынском, турецком, афганском и иранском языках были утверждены в составе 2 человек. В директиве ПУРККА № 0202 от 13 июля 1939 г. Мехлис предупреждал: «Категорически запрещается когда бы то ни было и для чего бы то ни было отрывать хотя бы одного из работников редакций и типографий для использования не по прямому назначению» [12].

Содержание листовок и обращений носило определенную направленность. Так, в политдонесении 1 Армейской группы отмечалось, что «среди войск противника было распространено 250 тыс. листовок и обращений на японском и китайском языках о разгроме двух японских дивизий и падении японского правительства» [13]. Однако часто в листовках встречались смысловые ошибки. Например, в листовке «Обращение к рабочим и крестьянам японской армии» вместо слов: «Я перешел на сторону монголо-советских войск», как было сказано в русском тексте, напечатали: «Я перешел на сторону советомонголии» [14]. Это объяснялось, прежде всего, отсутствием квалифицированных переводчиков, периодических изданий на японском и китайском языках, словарно-справочных изданий.

20–21 августа 1939 г. на нашу сторону перешли 246 солдат (китайцы и манчжуры) противника во главе с майором Доу-Дженом [15], объясняя свой переход, прежде всего, действием наших листовок: «Особенно сильно повлияли на солдат следующие слова данной листовки: “Ни одного японца не должно остаться на китайской территории”» [16]. Этот факт можно рассматривать как единственный показатель эффективности работы вышеупомянутого отделения. Японцев-перебежчиков не было.

27 июля 1936 г. в Разведывательное управление РККА и ПУРККА поступило донесение одного из наших военных советников в Испании, из которого видно, как там осуществлялась работа с войсками противника. Из технических средств наиболее эффективными оказались громкоговорители, которые обеспечивали оперативность, доходчивость передачи. Требовалось лишь увеличить дистанцию слышимости до 3–4 км, а габариты уменьшить, так как недостаточно портативные громкоговорители легко выводились из строя огнем противника. По мнению автора донесения, в будущем следовало в каждой дивизии иметь установки батарейного типа (несколько

громкоговорителей на передовой, соединенных с находящимся в тылу передатчиком).

Кроме звуковещательных станций, там, где линии окопов сближались на 100–200 м, широко использовались рупоры (по типу спортивных).

На Халхин-Голе был получен новый опыт применения звуковещательной станции. Ее опытный образец создали ученые Ленинградского НИИ радиовещательного приема и акустики. Техника прибыла на территорию МНР в конце июля 1939 г. Для ее обслуживания организовывался звуковещательный отряд. Станция базировалась на 4-х автомобилях (трех ЗиС-6 и одном ЗиС-5), имела две мощные группы громкоговорителей, аппаратную студию, электростанцию и пр. Эта аппаратура позволяла транслировать передачи на дальность до 10 км. В ходе подготовки августовского наступления звуковещательная станция использовалась для воспроизведения имитационных шумовых программ.

В то же время в «Отчете о работе звуковещательного отряда на Халхин-Голе» признавалось, что «эта станция, в силу своей громоздкости и конструктивных недостатков (ненадежность в работе, непрочность монтажа, невозможность непрерывной работы дольше часа), не является пригодной для работы в боевых условиях» [17].

В период советско-финляндской войны дальнейшее развитие получило применение звуковещательных станций. В каждой армии находилось несколько звуковещательных отрядов. Программа вещания мало чем отличалась от Халхин-Гола. Однако во время советско-финляндской войны использовались и выступления пленных. Например, в 13-й армии два военнопленных 6 раз выступали «с призывом к своим солдатам прекратить войну и повернуть штыки против организаторов провокационной войны» [18].

Большое внимание изготовлению печатной продукции, предназначенной для солдат противника, уделялось в процессе ввода войск в Западные Украину и Белоруссию. Только за первые два дня «освободительного похода» в действующие части Украинского фронта были направлены и разбросаны самолетами над Львовом 40 тыс. листовок на польском языке с обращением к польским солдатам [19]; 10 тыс. листовок с обращением к населению Западной Украины на украинском языке; 10 тыс. листовок с речью Молотова на польском языке; 22 тыс. экземпляров газет «Червона Украина» и 40 тыс. различных брошюр [20]. С целью воздействия на население Западных областей ЦК компартии Украины прислал на фронт

различных брошюр на украинском языке в количестве 8 млн 830 тыс. экземпляров [21].

Политическое управление Украинского фронта создало газеты на украинском языке «Червона Украина» с тиражом от 15 до 50 тыс. экз. и на польском – «Голос жовнежа» («Голос солдата») [22] тиражом до 50 тыс. экз. За все время вышло 22 номера газеты «Червона Украина» и 22 номера газеты «Голос жовнежа», которая позже была переименована в «Червоний штандар» [23].

Во время войны с Финляндией и Ленинградский военный округ, и каждое объединение издавали газеты на финском языке. Так, 28 ноября 1939 г. приказом начальника ПУРККА № 573 финская окружная газета «Красное знамя» была переименована в «Голос финского народа» [24]; в 106 стрелковом корпусе была организована ежедневная газета «Власть народа», которая издавалась на финском и карельском языках по 3 000 экз. на каждом языке [25]. Понимая их низкую действенность, политуправления 8-й и 14-й армий обратились в ПУРККА с просьбой о закрытии в них финских газет. Ответная телеграмма Л. З. Мехлиса была предельно понятна: «Такое отношение некоторых саботажников пуармов 8 и 14 армий к изданию газет на финском языке ничем нельзя объяснить, как только политической тупостью или намерением сорвать выполнение задач... по разложению армии и тыла противника» [26].

Однако, как отмечалось в политдонесении 8-й армии, в начальный период войны «... работа по разложению войск противника еще не получила широкого размаха» [27]. Кроме сбрасывания листовок, практически ничего не применялось. «Листовки на белой бумаге плохо заметны на снегу, – указывал начальник политуправления 8-й армии, – необходимо печатать на цветной. Финны печатают на синей, желтой, зеленой бумаге» [28]. Всего за период с 7 января по 12 марта 1940 г. только по 13 армии в тылу и на переднем крае противника было сброшено 4 211 тыс. листовок, 55 тыс. штук газеты «Голос народа» и 22 400 штук газеты «Власть народа» [29]. Помимо листовок, широкое распространение получили агитснаряды, которые выпускались не только на передний край противника, но и на перекрестки дорог, населенные пункты и ближайшие крепости.

В качестве основных форм работы среди военнопленных можно назвать беседы, вопросы и ответы, митинги, распространение листовок, брошюр и газет, демонстрацию кинофильмов.

В 1929 г. была осуществлена первая попытка

политической работы среди пленных солдат противника. В местах их сосредоточения после организации приема пищи и оказания медицинской помощи проводились беседы и лекции. Большую группу пленных (первый эшелон – 500 чел.) доставили в Читу. На вокзале китайских солдат встречали представители местных партийных, советских и профсоюзных организаций, рабочие-ударники. Сразу же после выгрузки был произведен совместный митинг, который обслуживался переводчиками. Затем пленных отправили в общежитие, где им был обеспечен постоянный уход (баня, смена белья, одежды, питание и лечение и пр.). Пленные привлекались к работам, а вечерами с ними проводились беседы, дискуссии, лекции, демонстрировались кинофильмы. В общежитии выпускалась стенгазета «Красный китайский солдат». Был организован сбор заявлений от китайцев с просьбой оставить их в СССР (подано 1240 заявлений [30]), принять в комсомол и пр. С пленными встретился В. К. Блюхер. Кроме того, пленных допрашивали, изучали изъятые документы и пр.

По-иному обстояло дело с японскими и финскими пленными. Нашим политработникам пришлось впервые столкнуться с пленными японскими военнослужащими на Халхин-Голе. Выяснилось, что в японской армии применялась система активного идеологического воздействия на личность воина, включающая показ кинофильмов, чтение газет, беседы офицеров, религиозное воздействие, связь с общественностью: письма от японских детей, известных общественных деятелей с призывами к храбрости, бодрости, упорству. Каждый военнослужащий обычно имел священный талисман, оберегающий от ран или смерти. Так, пленный майор Харада при разговоре о талисмани прослезился и попросил разрешения сжечь его, так как он опозорен пленом и недостоин божественной защиты.

Вывод политуправления 1-й армгруппы был честным: «Солдаты, попавшие в плен, в своем подавляющем большинстве являлись патриотами, причем слепыми и не рассуждающими... Все это делает японского солдата опасным и упорным противником» (к примеру, два пленных офицера даже откусили себе языки) [31]. С пленными проводились индивидуальные и групповые беседы, час вопросов и ответов, митинги и литинформации, консультации по прочитанной литературе, киносеансы игры и пр. Нашим инструкторам рекомендовалось в беседах стремиться к созданию доверительной обстановки, к заду-

шевности; для этого начинать разговор с угощения (чай, конфеты, папиросы), с расспросов о семье, о здоровье и пр. Но все это давало незначительный эффект: зафиксировано небольшое количество просоветских высказываний со стороны солдат. Также работа с пленными на Халхин-Голе затруднялась непрофессионализмом переводчиков.

В начале советско-финляндской войны в действующую армию была направлена директива Политуправления РККА № 0340, в которой предписывалось «ежедневно доносить в ПУРККА ... 1. Какая проводится агитационная работа среди личного состава армии и среди войск противника. 2. Какие технические средства агитации применяются среди войск противника. 3. Факты разложения войск противника. 4. Что известно о формах идеологической обработки солдат в белофинской армии. 5. Отношение финского населения к Красной Армии. 6. Поведение пленных солдат и офицеров белофинской армии и их оценка событий ...» [32]. Основная работа по разложению войск противника была направлена на «воспитание интернациональных чувств у солдат финской армии с целью освобождения их сознания от буржуазно-националистического патриотизма и разоблачения провокационного характера войны, начатой англо-французскими лакеями – Рюти-Таннером» [33].

Финские военнопленные также не шли на контакт. Офицеры в политических беседах держали себя гордо и с достоинством, отмечали агрессивный характер действий СССР. Они пытались взять под свое влияние и защиту солдат: например, вышли с требованием к администрация Грязовецкого лагеря НКВД об увеличении нормы хлеба для финские солдат и разрешении им переписки с родными через нейтральные страны.

Формы работы с военнопленными также оставались прежними. В итоговом докладе отдела пропаганды и агитации 13 армии отмечалось: «Помимо проведенных 70-и индивидуальных бесед отделение организовало 5 групповых бесед, в результате 25 человек военнопленных написали обращение к солдатам, рабочим и крестьянам Финляндии, в котором разоблачалась антисоветская пропаганда правящих кругов Финляндии по отношению Советского Союза и Красной Армии».

Низкую эффективность работы с пленными японцами и финнами был вынужден признать в своих воспоминаниях начальник 7-го отдела

ГУППКА видный политработник М. И. Бурцев.

На совещании комиссии по партийно-политической работе по сбору опыта боевых действий против Финляндии отмечалось, что «хорошо развернутая идеологическая война с противником понижает боеспособность его войск». При этом признавалось, что «печать, издаваемая на языке противника, газеты и листовки, обращенные к солдатам и населению, являются главной и самой распространенной формой нашей политической пропаганды и агитации в армии и тылу противника». На совещании были сделаны необходимые выводы о том, чтобы «создать в политических управлениях всех пограничных округов и армий отделения по работе среди войск и населения противника».

Примечания

1. РГВА. – Оп. 40. – Д. 61. – Л. 17.
2. См.: Конфликт на КВЖД. Из истории Советских Вооруженных Сил [Текст]. – Хабаровск, 1989. – С. 141.
3. Цит. по: Янгузов, З. Ш. ОКДВА на страже мира и безопасности СССР (1929–1938 гг.) [Текст]. – Благовещенск: Амурское отд. Хабаровского кн. изд-ва, 1970. – С. 99.
4. См.: РГВА. – Ф. 33879. – Оп. 6. – Д. 1. – Л. 42.
5. См.: Там же. – Л. 47.
6. РГВА. – Ф. 9. – Оп. 29. – Д. 327. – Л. 62.
7. См.: Там же. – Л. 68–70.
8. См.: Там же – Оп. 40. – Д. 62. – Л. 10.
9. Там же. – Л. 17.
10. Там же. – Ф. 4. – Оп. 14. – Д. 2030. – Л. 124.
11. Там же. – Ф. 32113. – Оп. 1. – Д. 72. – Л. 162–163.
12. Там же. – Ф. 9. – Оп. 40. – Д. 62. – Л. 4.
13. Там же. – Оп. 29. – Д. 425. – Л. 56.
14. Там же. – Д. 427. – Л. 91.
15. См.: Там же. – Д. 425. – Л. 38.
16. Там же. – Д. 427, Л. 302.
17. Там же. – Д. 410. – Л. 517.
18. Там же. – Д. 528. – Л. 8.
19. См.: Там же. – Ф. 35084. – Оп. 1. – Д. 188. – Л. 7.
20. Там же – Ф. 9. – Оп. 29. – Д. 432. – Л. 120.
21. Там же. – Л. 118.
22. См.: Там же. – Ф. 4. – Оп. 29. – Д. 505. – Л. 683.
23. Там же. – Оп. 36. – Д. 3370. – Л. 384.
24. См.: Там же. – Оп. 40. – Д. 66. – Л. 141, 150, 151.
25. Там же. – Оп. 40. – Д. 66. – Л. 141, 147.
26. Там же. – Д. 68. – Л. 139, 140.
27. Там же. – Ф. 9. – Оп. 32. – Д. 86. – Л. 18.
28. Там же. – Л. 45.
29. Там же. – Оп. 29. – Д. 528. – Л. 8.
30. См.: Там же. – Д. 530. – Л. 18.
31. См.: Там же. – Ф. 32113. – Оп. 1. – Д. 72. – Л. 160–161, 187.
32. Там же. – Ф. 9. – Оп. 40. – Д. 63. – Л. 333.
33. Там же. – Оп. 29. – Д. 528. – Л. 3.